

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ФРАЗЕОЛОГИИ

Моргоева Л. Б.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, проспект Мира, 10), e-mail: soigsi@mail.ru

Интерес исследователей к выражениям устойчивого характера не ослабевает. Этому способствует их активное проникновение практически во все стили речи. Процессы развития языка, глубинные причины возникновения и формирования устойчивых единиц, а также механизмы их функционирования в языке и речи становятся объектами исследования различных лингвистических направлений. Выявляемые особенности языковых реалий требуют расширения границ фразеологии, которая как отрасль знания давно перестала ограничиваться изучением собственно фразеологизмов. В предлагаемой статье рассматриваются фразеологизированные конструкции и различные типы устойчивых единиц, их терминологические обозначения, на основе авторского анализа которых высказывается мнение о целесообразности отнесения класса устойчивых единиц языка к самостоятельному уровню языковой системы. Это позволило бы наиболее успешно систематизировать и классифицировать устойчивые единицы с учетом присущих им характеризующих признаков, функциональных особенностей, стилистических функций, грамматических категорий.

Ключевые слова: теория языка, фразеология, паремиология, речевые формулы, осетинский язык.

TO THE ISSUE OF PHRASEOLOGY BOUNDARIES

Morgoeva L. B.

Federal State Budget Institution V. I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania, Russia (Vladikavkaz, 10, Prospect Mira) e-mail: soigsi@mail.ru

Researchers' interest to fixed phrases remains unabated. This is supported by their active penetration in almost all styles of speech. The processes of language development, the underlying processes of appearance and formation of stable units, and the mechanisms of their functioning in language and speech become the objects of study of different linguistic fields. The revealed features of linguistic realities require expanding the boundaries of phraseology, which, as a branch of knowledge, has long ago ceased to limit its studies to phraseology proper. This article discusses phraseologized structures and various types of collocations, their terminological meanings, the author's analysis of which allows expressing the opinion on appropriateness of categorizing the class of collocations of language to an independent level of the language system. This would allow most successfully organizing and classifying the stable units (collocations) with due account of their specific features, functional peculiarities, stylistic functions, and grammatical categories.

Keywords: theory of language, phraseology, paremiology, speech formulas, the Ossetian language.

Введение

Природа содержания и структура устойчивых сочетаний, высказываний и фраз настолько сложна, что до настоящего времени нет единого мнения по поводу их отнесенности к той или иной отрасли языкознания.

Исследователи языка до сих пор спорят о границах фразеологии и паремиологии. Между тем активное внедрение этого богатейшего пласта языка в нашу повседневность, широкое ее использование в речи абсолютно очевидны. Именно поэтому проблема границ фразеологии и определение ее объектов является крайне важной и требует детального изучения, и утверждение, что нет неизученных вопросов фразеологии, считаем ошибочным.

Существуют фундаментальные труды видных ученых, заложившие основу как языкознанию в целом, так и данной отрасли в частности. Фразеология как лингвистическая дисциплина завоевала достаточно твердые позиции, в ней появились такие самостоятельные разделы, как фразообразование, историческая, сравнительно-сопоставительная, диалектная фразеология и др., причём проводимые исследования не только приводят к решению проблем, но ставят перед нами также новые актуальные вопросы.

Первые научные разработки русской фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины были предложены ещё акад. В. В. Виноградовым, труды которого по сей день остаются непревзойденными. В последующие годы было написано огромное количество работ, посвященных анализу стилистических функций фразеологизмов, их семантике, морфологии и синтаксису. Многие аспекты фразеологии довольно подробно изучены, в частности, семантика фразеологических оборотов, но даже при этом остаётся не выясненным вопрос о сущности фразеологического значения, не полностью выявлены лексико-семантические свойства компонентов, не определено соотношение лексического значения с фразеологическим.

Целью исследования является рассмотрение границ фразеологии и его объектов с учетом анализа характеризующих фразеологизмы признаков.

В качестве **материала исследования** выступают словесные образования, конструкции и формулы языка устойчивого характера, по отношению к которым были применены наблюдение, сопоставление и структурно-семантический анализ.

Обсуждение результатов исследования. Исследование любого аспекта фразеологии начинается с уточнения понятия фразеологизма как категориальной единицы, его свойств и признаков, а также соотношения с другими единицами языковой системы, определения фразеологии как раздела языкознания, его границ и объектов, с уточнения определяющих категорий и понятий. По всем этим вопросам на сегодня нет, на наш взгляд, единого мнения. Выявление основных категориальных признаков фразеологизма повлекло за собой двойное понимание объекта фразеологии – узкое и широкое. Границы то расширялись, то сужались в зависимости от того, какой признак тем или иным исследователем считался решающим.

Не секрет, что выдвигались разные признаки в качестве главного, дифференциального. Это – и непереводаемость на другие языки (Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский), и образность (А. И. Ефимов, В. Ф. Рудов, Ю. Р. Гепнер), и воспроизводимость (Н. М. Шанский, С. Г. Гаврин, Л. И. Ройзензон), и сочетаемость лексем и семем (М. М. Копыленко), а также внутрикомпонентные связи (В. Л. Архангельский), идиоматичность (А. И. Смирницкий), целостность номинации (О. С. Ахманова), характер отношения к действительности (Е. Н.

Толикина), семантическая целостность (И. С. Топорцев), лексическая неделимость (Е. А. Иванникова) и т.д. [3, 43].

Многие исследователи в качестве главных категориальных признают комплекс признаков. Так, А. М. Бабкин считает, что для фразеологизма характерны такие признаки, как смысловая целостность, устойчивость сочетания слов, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная выразительность [2], в то же время, по А. И. Молоткову, фразеологизм должен быть наделен лексическим значением, компонентным составом и грамматическим значением [6]. Такое резкое и принципиальное расхождение во взглядах ученых объясняется тем, что фразеологизм как категориальная единица сложна и многогранна. Несомненным, однако, на наш взгляд, остается то, что при определении фразеологизма уместно говорить не об одном дифференциальном, а о целом комплексе признаков: поскольку отдельный признак, взятый в качестве основного, может присутствовать не только во фразеологизме, но и в другой единице языковой системы. Однако комплексы, обозначенные в качестве определяющего, тоже нуждаются в уточнении, поскольку при включении одного какого-либо за пределами внимания остается другой, не менее важный, и это, при мнении, что все признаки остаются относящимися к фразеологизму.

Нам думается, что здесь нет необходимости перечислять все существующие мнения относительно дифференцирующего признака или комплекса признаков. Достаточно рассмотреть ниже приведённые примеры, чтобы обосновать наше мнение.

Так, к примеру, **непереводимость** на другие языки, на наш взгляд, не может являться основным признаком, поскольку во многих языках существуют фразеологические сочетания, абсолютно идентичные по смысловому содержанию и по форме друг другу; напр., в значении **Бог** (*господь, аллах, черт, бес, шут*) **его** (*тебя, ее, вас, их*) **знает!** (русск.); **Хуыцау** (*хайраг*) **йæ** (*да, уа, са*) **зонæг!** (осет.). Выражение недоумения по поводу чего-либо: «*А бог его знает, барин, – сказал он, садясь на свое место, – воз не воз, дерево не дерево, а, кажется, что шевелится*» (А.С.Пушкин. Капитанская дочка);

Или: **Боже упаси!** – «Хуыцау бахизæд!»; **Будь, что будет!** – «Цы уа, уый уæд!»; **В глазах темнеет** – «Цæстытæ тарта кæнынц»; **Вешать (повесить) голову** – «Сæр æруадзын»; **В конце концов** – «Æппын фæстаг»; **Во весь голос** – «Йæ хъæлæсы дзаг»; **Время от времени** – «Рæстагæй-рæстагмæ»; **Входит в долги** – «Хæсы бацауын»; **Вывернуть наизнанку** – «Зыгъуыммæ рафæлдахын»; **Зажимать рот** – «Дзыхыл ныххæцын»; **Испустить дух** – «Уд сисын»; **Лицом к лицу** – «Лæгæй-лæгмæ (или Ныхæй-ныхмæ)»; **Любой ценой** – «Цыфæнды аргъæй дæр (Цыфæндыйæ дæр)» и много др.

Образность, которая также выводится на первый план в качестве признака, присуща не только фразеологизмам, но и отдельным словам, употребленным в тексте в переносном значении, пословицам и поговоркам, в которых она является неотъемлемой частью, некоторым синтаксическим конструкциям. Поэтому, руководствуясь этим признаком, фразеология становится практически безграничной.

Что касается **идиоматичности**, то можно заключить, что при традиционном понимании её как смысловой неразложимости, границы фразеологии сужаются настолько, что из её области выпадают фразеологические единства, сочетания и другие виды устойчивых сочетаний, хрестоматийно относящихся к фразеологии.

Заметим, что в исследованиях по фразеологии большое внимание уделяют как раз уточнению понятий «идиоматичность» и «устойчивость», причём нередко устойчивость сводится то к воспроизводимости, простой повторяемости [8, с. 3]. Порою эти понятия связывают также с предсказуемостью компонентов на лексическом уровне, а то и понимаются они как «ограничение в выборе переменных» на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [3].

Как видим, трудности возникают не только в определении границ фразеологии, но в определении и уточнении понимания самих определяющих категорий.

Характерно, что исследователи ограничиваются анализом наиболее употребительных, широко известных и почти хрестоматийных фразеологизмов, которые легко вписываются в ту или иную представленную трактовку. Как правило, берутся варианты фразеологизмов, встречающиеся в общеизвестных трудах и фундаментальных грамматиках разных лет. Поэтому совершенно неудивительно и очевидно, что одни и те же фразеологизмы кочуют из одной работы в другую. Между тем, при охватывании более широкого материала, становится ясным, что практически нет совершенных классификаций и систематизаций фразеологических единиц в частности и объектов фразеологии как лингвистической дисциплины в целом.

Анализ главных определяющих признаков фразеологизмов как единиц языка не случаен. Большинство из этих признаков в той или иной мере, если даже не основной, присутствуют и во многих других сочетаниях и синтаксических конструкциях, речевых формулах. Отсюда возникает вполне логичный вопрос: следует ли относить к объектам фразеологии все типы сочетаний и конструкций, отвечающих основным признакам или комплексу признаков фразеологизмов, или все же речевые формулы выступают как отдельные виды языковых единиц, не имеющих ничего общего с остальными устойчивыми соединениями и конструкциями?

Если принять положение, при котором 1) выдвигаемые признаки актуальны для всех типов устойчивых соединений и 2) предложенные определения универсальны, то границы фразеологии должны значительно расшириться. К объектам фразеологии в таком случае следует отнести не только собственно фразеологизмы, но устойчивые соединения, синтаксические конструкции устойчивого типа, речевые формулы, формулы этикетного содержания, коммуникемы, междометные выражения и «малые жанры» фольклорных текстов. При таком подходе фразеология как научная дисциплина требует серьезной переработки и жанрово-видовой систематизации ее объектов.

Если же в ведении фразеологии оставим только собственно фразеологизмы, то возникают два вопроса. Это: 1) принимать ли известные признаки, характеризующие фразеологизмы, с целым рядом оговорок и исключений или есть необходимость выявления и определения других признаков, присущих исключительно собственно фразеологизмам; 2) к какому разделу языкознания относить в таком случае перечисленные выше остальные виды устойчивых соединений и синтаксических конструкций устойчивого типа.

Разнородность и разноплановость устойчивых соединений и синтаксических конструкций не мешает иметь им практически одни и те же признаки и выполнять схожие функциональные нагрузки.

Конечно, можно сказать, что речевые формулы и этикетные выражения больше относятся к фольклору и ничего общего с фразеологией не имеют, а междометные выражения, естественным образом, – к междометиям. И такой подход, действительно, никак не противоречит современному пониманию фразеологии в узком смысле.

Широкое и узкое понимание объекта фразеологии в науке уже давно бытует, но и в этом вопросе ученые не сходятся в едином мнении.

«Границей фразеологизма на уровне словосочетания, – пишет В.П.Жуков, – служит фразеологическое сочетание, а на уровне предложения – пословицы, поговорки и крылатые выражения» [3, с 15]. Надо полагать, что это широкое понимание фразеологизма. Но почему, в таком случае, в ведение этой области знания попадают не все жанры фольклора, соответствующие характеризующим признакам фразеологизма, а лишь отдельные? Ответ, как нам кажется, лежит на поверхности. Ввиду слабой разработанности и недостаточной теоретической базы по исследованию других жанров, полностью или частично отвечающих функциональным и характеризующим признакам фразеологизма, большинство ученых старается не указывать на их отношение к той или иной отрасли знания. Проводимые на материале устойчивых единиц исследования имеют чаще всего функционально-

стилистический, семантико-синтаксический характер, и авторы не особо останавливаются на вопросе их принадлежности к какой-либо области.

Интерес исследователей к выражениям устойчивого характера постоянно возрастает. Этому способствует их активное внедрение практически во все стили речи. Образы и эмоции, метафора и оценка вышли за пределы художественной литературы и разговорного стиля. Их присутствие наблюдается как в официально-деловой речи, так и (реже) – в научной. Вместе с тем именно эти категории являются основными рычагами механизмов возникновения устойчивых выражений – фразеологизмов.

Надо сказать, интерес этот не ограничивается отдельными монографическими работами и статьями. Создаются словари, появляются целые научные школы, разрабатывающие это направление. Свидетельство тому «Словарь русского речевого этикета» под авторством А. Г. Балакая (2001), словарь «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи», составленный В. Ю. Меликяном (2001) на основе ряда работ, посвященных этой теме. Позднее под его руководством разрабатывались «Системный и функциональный аспекты интерпретации фразеосинтаксических схем с опорным компонентом – вопросительным словом (на материале испанского языка)» (А. В. Меликян), «Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-местоимением: язык и речь» (В. В. Панкова) и др.

Попытки обойти прямое указание на причастность к фразеологии вынуждают авторов вводить новые термины и условные обозначения для называния устойчивых выражений. Так, к примеру, упомянутый выше В. Ю. Меликян склонен называть *коммуникемами* нечленимые предложения с непонятной семантикой (пр: *ну и ну!*, *как бы не так!*, *какой разговор!*, *чёрта с два!*, *ёлки-палки!* и т.д.) [5]. С. В. Андреева вводит термин *коммуникативы-местоимения* для обозначения «выражений утверждения или отрицания», выражения типа *Ах! Ох!* трактуются ею как *звуковые жесты*, «выражения эмоционального отношения и реакций» типа *Ну и дела!* – *коммуникативы*, а речевые формулы типа *Счастливого пути!* – *гибридные коммуникативы* [1, с. 105].

Д. Н. Шмелев называет *фразеосхемами* синтаксические конструкции, построенные с использованием вопросительно-относительных слов (*Да где уж нам! Куда там! Мне-то что!* и др.) [10, с. 132-136]. Попытки И. А. Шаронова определить статус подобных выражений приводят к тому, что они рассматриваются в числе междометий [9].

Мы не случайно привели в пример работы, посвященные исследованию не фразеологизмов, а выражений, в которых авторы усматривают устойчивый характер и склонны их соотносить с фразеологией. Во всех этих работах в качестве исследуемого материала выступают выражения практически одного порядка. Иными словами, то, что в одном источнике

тракуется как фразеосхема, в другом – междометие; то, что общепринято называть речевой этикетной формулой, у другого автора – это гибридный коммуникатив. При таком разнообразии терминологических обозначений трудно сразу понять, что речь идёт практически об одном и том же. Существование всех этих терминов-обозначений отчасти оправдывает лишь то, что исследования носят разноаспектный характер, с одной стороны, и являются поиском решения проблем – с другой. Однако это ничуть не способствует лучшему пониманию границ фразеологии. Бесспорно одно: авторы всех приведенных работ правы в том, что рассматриваемый ими материал носит в той или иной степени устойчивый характер. Некоторые авторы, правда, решаются всё-таки отнести схожие выражения пусть не к самой фразеологии, а к ее подсистеме.

Существуют и выражения, наиболее приближенные к фразеологии, но также остающиеся за ее пределами, – это речевые формулы этикетного и бытового характера, апеллятивные конструкции устойчивого типа, носящие отпечаток того или иного этноса. Они обладают также признаками устойчивых оборотов и выражений, активно используются в речевой практике и выступают как самостоятельные языковые единицы, но таковыми, как известно, в лингвистической практике не называются. Определенного статуса они не имеют и в фольклоре. Отсюда возникает вопрос: отчего объектами фразеологии становятся «малые» жанры фольклора – пословицы и поговорки, а речевые формулы остаются без лингвистического статуса?

Еще в 70-х годах прошлого столетия известным паремиологом Г. Л. Пермяковым все устойчивые словесные образования, в том числе слова и фразеологические обороты всех степеней сложности, были включены им в предложенную структурную классификацию языковых и фольклорных клише. Отдельные группы составляли паремии в форме незамкнутых предложений, куда отнесены были поговорки, пожелания, проклятия и т.п., и паремии в форме замкнутых предложений (пословицы, приметы, правовые изречения и т.п.). При этом автор справедливо подметил значительную меру их изоморфности друг другу, которая выявляется именно при сопоставлении существенных языковых признаков.

Наличие мотивировки всего общего значения (прямой или образной), присутствие синтетических или аналитических форм, существование омонимичных, синонимичных и антонимичных форм, функциональное сходство – всё это черты, сближающие народные изречения, слова и фразеологические обороты, а значит, они относятся в равной степени как к явлениям фольклора, так и к явлениям языка, поскольку имеют схожую функциональную природу [7].

Из разработанных и приведенных таблиц и схем становится понятна позиция автора.

Наблюдается скорее стремление выстроить в одну систему единицы одинаковой природы возникновения и функционирования (что, на наш взгляд, является наиболее оптимальным в решении данного вопроса), нежели их насильственное разграничение или избирательное отнесение некоторых единиц к фразеологии, при наличии общих черт и признаков и недостаточной мотивировки исключения остальных из этого числа.

В свете изложенного выше крайне актуальным является вопрос о формировании особого уровня языковых единиц, представляющих собой устойчивые образования различных степеней сложности, выступающих как знаки вещей и понятий (слова и фразеологические обороты) и знаки ситуаций и отношений между вещами (паремии и речевые формулы). В свое время Г. Л. Пермяковым предложено было называть рассматриваемый пласт «паремиологическим уровнем языка». Однако, несмотря на включение в этот пласт практически всех языковых единиц устойчивого характера, исследовательскому анализу подвергались только пословицы и поговорки как «основная масса паремиологического фонда» (7, с. 84.). Дальнейшие исследования в области паремиологии в основной своей массе также связаны были исключительно с пословицами и поговорками, а остальные жанры до сих пор остаются практически «вне языка» и «вне фольклора», тогда как, занимая промежуточное положение между единицами языка и фольклора, должны являться объектами изучения как лингвистики, так и фольклористики.

В разных языках соотношение различных типов устойчивых выражений варьируется. Так, в осетинском языке широко используется огромный массив так называемых речевых формул (проклятий, благопожеланий, клятв и других речевых конструкций), который по своему объёму не уступает паремиологическому (пословично-поговорочному) фонду данного языка. Надо сказать, что исследования по осетинской фразеологии носили в основном описательный характер, к ней относили пословицы и поговорки, крылатые выражения, речевые формулы и образные выражения. При этом главными характеризующими признаками служили устойчивость, непереводаемость и несоответствие значения выражений сумме значений слов, из которых они состоят [4]. Совершенно очевидно, что при таком подходе фразеология как отрасль знания не справится с системной классификацией такого объема столь разнородных и разноплановых единиц устойчивого характера.

Между тем, это богатейший пласт языка, который нуждается в серьезных исследованиях с позиций общей теории, в системном описании и классификации, а также в этнолингвистическом анализе. А поскольку все эти выражения обладают различной степенью сложности и функционально-семантическим разнообразием, отвечают базовым признакам устойчивых единиц языка и используются в речи как самостоятельные языковые

единицы, то исследоваться должны наряду с остальными устойчивыми образованиями как объекты отдельного раздела языкознания.

Надеясь на признание состоятельности нашего предложения о включении их в самостоятельный раздел языкознания, мы осмеливаемся высказать ещё одну мысль: целесообразнее было бы не включать рассматриваемые единицы в паремиологию, как было предложено лингвистами, в том числе и Г.Л.Пермяковым, а сохранить термины *паремия* и *паремиология* для лингвистического обозначения пословиц и поговорок, тем более что эти термины уже твердо закрепились в том значении.

Во избежание создания очередных терминологических разночтений и толкований очевидна необходимость, думается, в создании кардинально нового уровня с оригинальным термином-обозначением, отражающим природу, сущность и содержание рассматриваемых в ней единиц – фразеологических оборотов, пословиц, поговорок, языковых речений с оценочной семантикой, формул речевого общения различной семантики, сложных не членимых единиц междометного характера, апеллятивных конструкций. Вопрос терминологического обозначения предлагаемого уровня (класса) языковой системы требует отдельного разговора. Ясным остается одно: термин должен быть мотивированным и максимально полно отражать лингвистическую природу и сущность изучаемых единиц.

Список литературы

1. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции. Под ред. О.Б. Сиротининой. 2-е изд., испр. – М.: КомКнига, 2006. – 192с.
2. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.; Л., 1964. –76с.
3. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
4. Исаев М. И. Очерки по фразеологии осетинского языка. – Орджоникидзе, 1964. – 104 с.
5. Меликян В. Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. Словарь. – М.: Изд-ва «Флинта», «Наука», 2001. – 239 с.
6. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1977. – 247 с.
7. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М., 1988. – 235 с.
8. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. 2-е изд. – М., 1969.
9. Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. – М.: РГГУ, 2008. – 288 с.
10. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. Изд. 2-е., стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 152 с.

Рецензенты:

Бесолова Е. Б., д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.

Фидарова Р. Я, д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.